

Меньше, чем поэт

При жизни Гашек опубликовал всего несколько стихотворений

Кого мы можем назвать Поэтом? Уметь рифмовать — мало. Выпускать сборник стихов, печататься в журналах и даже иметь своего читателя — недостаточно. Для того чтобы состояться, стихи — как бы и не самое важное условие. Обязательное, но не самое существенное. Еще более необходимы голос и судьба. Неповторимый, легко узнаваемый почерк-стиль, что проявляется буквально во всем, и особый изгиб жизненного пути. Хочется назвать поэтом человека, который при жизни напечатал всего несколько стихотворений. Произведения его мало кто знал, когда он был жив, не слишком известен он и сейчас — две маленькие книжки и несколько подборок в журналах.

Начала

Фамилии своей он одновременно и гордился, и стеснялся — говорил, что недостойн быть однофамильцем великого писателя. Первые попытки напечататься он предпринимал под псевдонимами. Родился Александр Гашек в семье прачки и фронтовика. Родители развелись, когда ему было четыре года. Мама второй раз вышла замуж, и Саша остался с отцом.

Жили в Челябинске бедно. Рос мальчик артистичным и спортивным. Бегал спринт, прыгал, но, главное, был дискоболем — метал диск. Самостоятельно изучил технику, при своих миниатюрных данных (75 кг) метал по первому разряду. Даже в последний период жизни, уйдя от людей и затворившись на пасеке, время от времени «брался за старое». Может быть, сам хотел преодолеть земное притяжение, оторваться и улететь куда-нибудь подальше?! Говорят, что значительность результата достигалась за счет бешеного раскручивания в круге.

Быт и бытие

С будущей женой он познакомился в спортивной секции. Долго ухаживал, она потом ждала его из армии. Окончил восьмилетку. Затем ШРМ. Четыре года служил на тихоокеанском флоте. Пошел туда сознательно, начитавшись книжек: романтика, мужественные люди, скупые на проявления чувств... Бухта называлась «Разбойник» (потом он напишет о ней большую поэму, в этом году ее впервые опубликовал толстый челябинский журнал «Уральская новь»). Всю жизнь Гашек будет скучать по своим флотским друзьям-приятелям, хотя на предложение родных написать кому-нибудь из них письмо отвечал категорическим отказом: счастливое прошлое вернуть нельзя. Так и проживет отпущенный судьбой срок в постоянной раздвоенности, вечном душевном раздразе, где-то там, в краю идеального бытия, и здесь, среди людей и быта. Только стихи и могли прикрыть пропасть, разделяющую два этих мира.

Театр на пустыре

Дипломный спектакль (Гашек окончил режиссерский факультет) «Антигона» в местном институте культуры стал событием — вспоминают его до сих пор. Студенты его боготворили, собирались практически каждый день, смотрели словоохотливому режиссеру в рот. Все мечтали о продолжении... Но после этого по специальности Гашек практически не работал. Если не считать студии в каком-то подвале, где Александр Гашек пытался придумать новый спектакль со студентами. Потом — со школьниками. К каждому празднику требовали халтуру, аполитичному режиссеру ужиться с такими порядками было трудно — приспособливаться он не мог. Да и не умел. Недолго, год, он проработал в ансамбле «Люди и кукулы» при филармонии. Долгие гастроли в Казахстане, разлука с родными.

Но работать все равно хотелось. Одно время порывался уехать на съемки к Андрею Тарковскому, любимому своему режиссеру. Хотел кем. Не смог оставить семью. Пошел в ледовары на стадион. Работал сторожем (ночью писалось особенно хорошо).

Жизнь в застой

Начало 70-х случилось особенно насыщенным: Гашек много писал, вокруг него сложилась компания творчески одаренных людей. Дома часто собирались актеры и музыканты, журналисты и поэты. Общались, спорили, пили вино, читали стихи. Было шумно и весело. Расслабляться он тоже не умел и быстро заработал язву желудка, которая перерастет потом в «злокачественное образование». Если собиралась приятная и знакомая компания, Гашек мог и любил читать «свое» и делал это артистично. Ему нравилось, что его слушают, что он — в центре внимания. Хотя и не подавал вида, как важно ему это внимание. Народ к нему тянулся, отвечал взаимностью. Быть душой компании получалось неосознанно и органично. Потом, когда Гашек станет затворником, все будут удивляться такому, казалось бы, неожиданному повороту его судьбы. Когда приходили новые строки, Александру требовалось уединение, сочинял он в состоянии тишины и сосредоточенности. Писал он ночами, закрывшись в ванной или на кухне. Хотя порой вместе с друзьями ночи напролет Гашек сочинял стихи, участвуя в импровизированных конкурсах.

Счастье

Единственная прижизненная публикация состоялась в самом начале 90-х, в журнале «Урал». Выход семи стихотворений, которые Лера передала в журнал, открыл поэта. До этого он посылал стихи в журналы всего несколько раз, но ничего, кроме вежливых отписок и пожеланий «писать дальше», не

приходило. Появилась надежда... Незадолго до смерти Александр привел свой архив в порядок, оставив завещанием полсотни текстов. Поэтом себя Гашек не считал и относился к своему творчеству «неоднозначно».

Странности

Не любил стричься и, похожий на Пьера Ришара, носил гигантскую шевелюру. А если стригся — то практически наголо. И так, из крайности в крайность, во всем. Его считали странным, «не от мира сего», рассеянным мечтателем. Розанов, однако, считал, что «рассеянный человек и есть самый сосредоточенный...»

Пасека

Когда дочка окончила школу, Гашек окончил заочные курсы пчеловодов и уехал в область, в Чебаркульский район, и принял там находившуюся в полном упадке пасеку. Заброшенный сад, где плодоносило только одно дерево. Рай...

Можно сказать, что пасеку он воссоздал заново, отдав этому последние силы и годы жизни. Жил он там безвылазно и безлюдно, не принимая даже самых близких друзей. Когда друзья все-таки приезжали, разговоры об искусстве беднели его. После этого он болел, выплескивался наружу и опустошался, точнее, даже истощался... Особенно его раздражали радио и телевизор, политика... Когда началась перестройка, Гашек очень активно следил за развитием событий. Но вскоре ему и это надоело тоже. Его раздражало буквально все, хотя мизантропом он не был.

Не было у него и механизмов самострахования, потому и не умел беречься-защититься. Отсутствие иммунной системы души окончательно расшатало нервную систему.

Последняя капля

Год, устраиваясь, он прожил там один. Когда получил дом в деревне, вызвал жену. В Челябину приезжал теперь изредка и только для того, чтобы побегать по книжным магазинам. Был азартен. И хотя денег хронически не хватало, некоторые книги покупал втридорога, много менялся. Влюбившись в Фолкнера или Хемингуэя, месяцами говорил только о них, выискивал и прочитывал о своих увлечениях все, что было возможно.

Пасека, куда он бежал от людей в надежде найти райский уголок, оказалась совершенно прогниваемой. Он вложил в пчелиное хозяйство всю свою душу без остатка, ничего себе не оставив. Пчел он называл «девочки мои». Но социум достал Гашека и здесь. Не создав никаких условий для работы, с него требовали план, мед, каких-то взяток... «Кормовую базу» не давали, сначала требуя отдачу. Единственное, что еще как-то держало на плаву, — это стихи. Он говорил, что пишет их для того, что-

бы не сойти с ума: хоть какая-то самореализация... Творческой энергии в нем было столько, что, не будь выхода, он просто взорвался бы, сгорел изнутри. Так, впрочем, и произошло.

Болезнь

После разговоров об искусстве, которые Гашек буквально обрушивал на жену или приехавшую погостить дочь, хватался за грудь. Думали — сердце... Потом наступали депрессии. Смена настроений была быстрой и немотивированной. Вдруг неожиданно увлекся фантастикой, запойно читал самые низкопробные сочинения: бежал...

Гашек знал, что умирает. Однажды, лет за пять до смерти, попросил жену похоронить его в саду, под единственной на участке яблоней. Потом, когда Александр умер, буквально через месяц яблоня треснула и раскололась на две части, погибла. Однажды на пасеке ему стало плохо. Отвезли в больницу. Там обнаружили «это самое».

Смерть

Умирал он дома. За два дня до смерти надиктовал на кассету несколько незаписанных на бумаге стихотворений. Голос его изменился до неузнаваемости: точно кто-то чужой и незнакомый читал. Умер на руках у жены тихо, смиренно, как говорят, отошел, отлетел. Отмучился. Похоронили его на тихом сельском кладбище, возле речки.

Из травы

Первая большая публикация вышла в «Уральской нови» в 1994 году с предисловием Рустама Валеева. У Александра Гашека оказались верные, преданные его памяти друзья. Скооперировавшись с родными, они дважды издали сборник стихов «Донник», скромный, неброский, тонкоусенский, но сразу же обративший на себя внимание. А вот на памятник сил уже не хватило.

Недавно случилось еще несколько публикаций. Стихи А.Гашека вошли в антологию новой уральской поэзии, в уральский выпуск элитного московского журнала «Золотой век». А дальше — тишина. Правда, с недавнего времени стихи его можно найти в Интернете на сервере «Челябинского глобуса» (<http://www.urs.ac.ru/Globe>), где открыт Мемориальный музей поэта.

Край наш не слишком богат значимыми именами. Кстат, большинство из них — репутации дутые, надуманные. Случай Гашека уникален своей подлинностью, органичностью. Скромный, тихий дар его нетипичен для наших широт. Наследие его хоть и невелико, но действительно существенно. Но что толку? Он не был нужен городу при жизни. Не нужен он ему и теперь. Неприкаянная судьба Поэта продолжается.

Дмитрий БАВИЛЬСКИЙ
Челябинск

Кувшинов — 1998 — 13-19 абз. — с. 7